

КОТЫ ТОЖЕ ПЛАЧУТ

В те годы, голодные, послевоенные, все посылали друг другу посылки. Родственникам, друзьям, к праздникам, к дням рождения и просто так: у кого оказывался лишний килограмм сахара или банка тушенки, вспоминали про своих – братьев, сестер, племянников – и ждали okazji, чтобы передать посылочку с верным человеком, иногда и просто с проводником.

И вот – помню – мама быстро-быстро собирает посылку. Потому что – okazия! Надо приехать на Курский вокзал, к такому-то поезду, такой-то вагон, там некий сослуживец нашего дяди Вани едет прямо до Дзауджикау. Уже и не вспомнить: этот город – Владикавказ – не раз переименовывали, назывался он Орджоникидзе, потом Дзауджикау или наоборот... В общем, Северная Осетия. А нашего дядю Ваню перебросили туда недавно и еще не прикрепили к положенному ему снабжению. И двое иждивенцев – жена и маленькая Леночка, которую они удочерили во время войны. Сахар-то им всегда нужен – там фрукты.

Мама достала большую коробку из толстого картона – из-под американских подарков, были такие коробки с черными буквами по бокам, не русскими, американскими какими-то буквами, уложила туда мешочки с рисом, сахаром, какие-то консервы, коробочку конфет, и там еще осталось место. «А давай, – говорит мама, – твоего кота в сапогах Леночке пошлем, он почти как новый, ты все равно его забросила». Я говорю – конечно, давай! Мне было ничуть не жалко кота, я была уже пионерка. Мы завернули кота в какую-то тряпочку, я написала несколько поздравительных слов еще не знакомый кузине Леночке, а бабушка все поглядывала на часы, она вызвалась отвезти посылку к поезду. Я заметила, что ей жалко расставаться с нашим котом. Кот-то был необыкновенный, английский. Очень красивый кот в сапогах.

Бабушка работала переводчицей в газете «Британский союзник». У англичан был хороший обычай – к Рождеству дарить подарки всем русским сотрудникам, от переводчиков до уборщиц, а у кого из них были дети или внуки – те получали в придачу к одежде и обуви еще и игрушки и красивые книжки с картинками. Я часто ездила с бабушкой на Воздвиженку в знаменитый Морозовский дом, однажды на елке прочла там стишок по-английски, и умиленные англичане лично мне подарили зеленоглазого кота в сапогах. Но начиналась «холодная война», у нас – кампания против «безродных космополитов», и бабушка вынуждена была уволиться из редакции. Иначе отцу, то есть ее сыну, грозили неприятности на работе. «Мы знаем, что ваша мать общается с иностранцами». Такой вот вежливый террор. Вскоре «Британский

союзник» вообще закрыли, все эти добрые англичане были объявлены шпионами. Но это я узнала много позже.

А тогда коробку перевязали какими-то веревками, бабушка сказала: «Нет, не тяжело, я с удовольствием прогуляюсь» – и отправилась на вокзал. На метро, с пересадкой. Тогда еще не было «кольца», оно только строилось. Стало быть, от нашей «Комсомольской» нужно доехать до «Охотного ряда», там перейти на «Площадь Революции», а там уже по Измайловской ветке... А на Курском такие крутые лестницы...

Я помню, что в тот вечер отец вернулся с работы не поздно. Позвонил, чтобы ужин стоял на столе. Это была редкая радость. В те годы ответственные работники Министерства путей сообщения оставались в своих кабинетах до полуночи, а то и до двух часов, пока Сталин не спит в Кремле. Вдруг «хозяин» захочет с кем-нибудь поговорить? Он, как известно, был полуночник. «Сова», как сейчас бы сказали. Я тоже была «сова». А мама у нас «жаворонок», но, чертыхаясь и засыпая на ходу, подавала ужин трижды. Младшего брата надо накормить и загнать в постель, потом меня – «я еще есть не хочу, уроки делаю, честное пионерское!», – потом уж бабушка приходила греметь кастрюльками, иногда она дожидалась отца. Но мама тоже не спала, вскакивала в халате к своему рабочему месту.

А в тот вечер получился у нас общий ужин, долгий ужин, с расспросами отца – какие нам задачки задали и почему я не хочу быть санитаркой, хотя меня и выбрали на такую почетную должность. И вот сидим мы за этой мирной беседой, а родители уже поглядывают на часы. Бабушки-то нет. А пора бы ей вернуться. Поезд с Курского давно ушел. Но может, она не полезла в метро, ждет троллейбуса или вообще пошла пешком, она ведь любит прогуляться. Бабушка у нас закаленная, худощавого телосложения, по утрам обливается холодной водой и никого не боится. Это мне не разрешается ходить к вокзалам, где инвалиды пьяные матерятся и цыганки пристают – «дай погадаю», но я все равно хожу, куда хочу – туда и хожу, а хожу я – куда не разрешают.

И вдруг звон ключей за дверью, отец кидается открывать. И стоит там моя бабушка Наталия Сергеевна, какой я ее никогда не видела. Вся в слезах, берет съехал набок, волосы – полуседые – торчат из-под берета, а в руках разъехавшаяся коробка с английскими буквами. Скинула берет, жакет, машет рукой, ничего не говорит. «Что случилось?» Только хлюпает носом. Я никогда не видела бабушку плачущей. Мама тащит за ней лекарства, идут в ванную. Папа укладывает ее на диван, укрывает пледом, а ее трясет, знобит, и ни слова она вымолвить не может. Постепенно, по словечку вытянули из нее, что случилось.

Где-то в метро бабушку приняли за шпионку. Молодая милиционерша обратила внимание на коробку с иностранными буквами и сказала: «Гражданка, пройдемте». И вынула свисток. «Я к поезду опаздываю, это посылка», – умоляла бабушка. «А вот мы сейчас посмотрим», – сказала барышня с флажком, свистнула для острастки и передала бабушку с рук на руки двум теткам в милицейских формах. Отделение милиции

было там же, под землей. С милицией шутки плохи. Тетки распотрошили иностранную коробку, и одна уселась «произвести опись». Наивная моя бабушка – сразу видно, что «из бывших», – обещала им, что привезет паспорт, вот только дайте посылку отвезти, но ее усадили на табуретку и стали высыпать из мешочков крупу и сахарный песок. На газетку, перещупывая каждое зернышко. Что они там искали? О наркотиках в те времена и слухов не было. Видимо, шифровку, военную тайну на папиросной бумажке. Начиналась всенародная кампания «за бдительность». Шпиономания.

Что тетки говорили – бабушка не слушала. За ее спиной грохотали поезда, а между ними в отделение заглядывала веселая дежурная по платформе, та, что проявила бдительность. Бабушка сидела окаменевшая, оглохшая и не говорила ни слова, чтобы не заплакать при них. Они развернули кота и стали им любоваться. И мех у него настоящий, и сапоги кожаные, у нас таких не делают. Кот явно был иностранец, но бабушка не отвечала на вопросы о его происхождении из «Британского союзника». Одна из теток взяла ножницы, нащупала шов на животе у кота – «а мы аккуратненько, можно зашить потом».

Мы стали смеяться, утешали бабушку как могли, она тоже пыталась улыбнуться, но не могла, только губа дергалась. «Но все же хорошо кончилось!» – «Надо было им оставить посылку и бежать!» «Надо было им сразу сказать, где твой сын работает!» – сообразила мама. Наталия Сергеевна только слабо отмахивалась, а руки у нее были красные, навсегда обмороженные. «Надо было позвонить в МПС или самому Самодурову!» Действительно, к тому времени отец уже был генералом третьего ранга, лауреатом Сталинской премии и знал всех начальников метрополитена и их жен, они все вместе отдыхали в Гаграх. Но бабушке даже в голову не пришло напугать этих теток высокими связями.

У кота внутри оказались какие-то ошметки ваты и канвы. Теткам самим стало жалко красавца кота. В этот момент появился мужик, крупный и горластый, может, начальник станции. «Что у вас тут?» Тетки стали оправдываться и лебезить перед ним. Он велел им не мучиться дурью, все сложить как было и отпустить пожилого человека. Кое-как сложили. Веревки куда-то пропали. Бабушка взяла коробку в охапку, села в первый же поезд и поехала наугад, не понимая, в какую сторону и зачем она едет.

Я думаю, ее тяжелые болезни – инсульты, паралич – начались именно в тот вечер. Речь стала затрудненной, она больше не порывалась учить меня английскому и часто плакала ни с того ни с сего, беззвучно. А когда гостям рассказывали смешную историю, как бабушку приняли за шпионку, и показывали английского кота с распоротым брюхом, она силилась улыбнуться, но не могла. А не смеялась она никогда, не помню, чтобы она смеялась. И не помню, в каком возрасте я осознала длинный список ее потерь. Она привыкла «не раскисать».

Когда потеряли имение – дивный парк, созданный бабушкиным отцом, потом квартиру в Москве, квартиру отца в Петрограде, потом

и любимого мужа, и всех друзей – кто эмигрировал, кто в местах не столь отдаленных, а она осталась – фактически нищей, «бомжихой», как теперь это называется, с большой голодной семьей – двумя сыновьями десяти и семи лет, старой матерью, передвигавшейся на костылях, и старой, толстой преданной нянькой, тетей Полей. Их я видела только на фотографиях, хранившихся в большом кованом сундуке. Там же и дневники ее в толстых черных тетрадках, последние записи – осенью 41-го года. Я прочла их через много-много лет после смерти Наталии Сергеевны.

В аккуратных записях не было ни слез, ни жалоб, ни горьких сожалений об утраченном. А ведь была у бабушки во второй половине жизни еще одна долгая любовь – к агроному Нахимову, они даже построили квартиры по соседству, в том деревянном двухэтажном доме, где мне посчастливилось родиться, покупали саженцы, оплетали террасы диким виноградом. Но Нахимова посадили за то, что он Нахимов, и вернулся он совсем разрушенным, инвалидом, и бабушка ездила навещать его в какие-то пригородные больницы, возила гостинцы и подбадривала. А тут вдруг и сына ее старшего, дядю Митю, выслали под Томск, в Колпашево, и долго про него ничего не знали. И грянула война, уже и Москву бомбили, и даже нашу уютную Лосинку. В огороде вырыли «щель», рядом – самодельный пруд. Чтобы тушить зажигалки. Отобрали радиоприемник, оставалась только черная тарелка. И сирена. «Граждане, воздушная тревога...» Затемнение. Мне не было трех лет, но я прекрасно помню, как мне нравилось, что можно не спать, спрятаться в холодную яму, а когда фрицы улетят, бабушка будет мне читать стихи Пушкина и Некрасова, пока не догорят в печке все поленья.

...Как же было непривычно и странно, что бабушка тоже умеет плакать! Из-за какого-то кота в сапогах, из-за каких-то глупых милиционерш, никогда не читавших «Британский союзник», никогда не выдававших настоящих английских котов. ♦